

УДК 061.236.61(100)

Власть и масонство в эпоху нового времени: противостояние или союз?

С. Е. Киясов

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена процессам взаимодействия регулярных масонских лож и государственных институтов в эпоху Нового времени. Автор подчеркивает, что наиболее активно сотрудничество власти и масонства развивалось на рубеже XVIII–XIX столетий. На основе прочтения оригинальных источников и литературы автор делает вывод об изначальном отсутствии противоречий между масонами и государством.

Ключевые слова: регулярное масонство, Объединенная Великая ложа Англии, масонство Североамериканских колоний, Великий Восток Франции.

The Authority and Masonry in the Modern History: Confrontation or Union?

S. E. Kiyasov

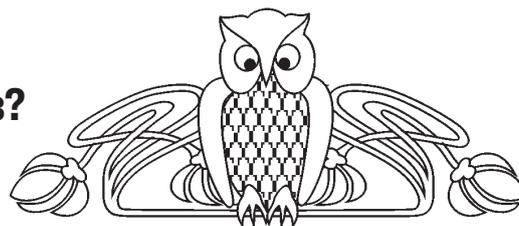
Kiyasov Sergey E., <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov 410012, Russia, sergeykiyasov@mail.ru

The article is devoted to the processes of interaction of regular Masonic Lodges and state institutions in the Modern History. The author emphasizes that the most active cooperation of power and Masonry developed at the turn of the 18th and the 19th centuries. Based on reading authentic sources and literature the author draws a conclusion about initial absence of contradictions between the masons and the state.

Keywords: regular Masonry, the United Grand Lodge of England, Masonry of the North American colonies, Grand Orient of France.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-43-51>

Новые ложи «вольных каменщиков», действующие вне строительных структур (цехов, гильдий), получили самое широкое распространение в послереволюционной Англии. В качестве закрытых элитарных собраний они приобрели особую популярность в Лондоне. В 1693 г. в столичном городе их насчитывалось не менее десятка¹. С конца XVI столетия, открывающего «шотландский» век в масонской истории², зарождавшееся интеллектуальное Братство проделало уникальную идейно-организационную эволюцию. По её итогам участники внутримасонской модернизации сумели продолжить свою корпоративную историю. В хронологических рамках XVII столетия независимый статус помог английским масонам не раствориться в эзотериче-

ских подразделениях интернационального Ордена розенкрейцеров. Новоявленные масоны-философы не были также поглощены популярными и влиятельными клубными собраниями Англии. Подобно мифическому Фениксу, старые ложи «вольных каменщиков» сумели возродиться и перевоплотиться, наладив последующую работу в необычной, мистико-аллегорической форме. В то же время провозглашенные ими мессианские идеи никогда не расходились с прагматическими оценками окружающего мира, включая политику. Так, во второй половине XVII столетия большинство английских масонских структур своевременно объявили о разрыве со своими недавними покровителями Стюартами, которые лишились власти. Тем самым новые масоны недвусмысленно и решительно поддержали состоявшиеся в стране революционные перемены. В начале XVIII столетия, следуя наставлениям своего признанного лидера, архитектора и философа Кристофера Рена (1632–1723), английские каменщики сумели окончательно «перерезать пуповину» патриархальных ремесленных традиций и сосредоточились на реализации актуальных, востребованных социальных проектов. Тем самым, «вольные каменщики» Англии сделали окончательный выбор в сторону формирования принципиально новой организационной структуры – масонской просветительской конспирации. Однако по мере «приближения» к политике новые масоны стали восприниматься «внешним миром», то есть непосвященными, в качестве организаторов и участников тайной, враждебной обществу, организации³. Дальнейшие усилия их лидеров (Джон Теофил Дезагюлье, Джеймс Андерсон, Джордж Пейн), нацеленные на быструю кодификацию нового движения, не менее существенно подкрепили негативное оценочное общественное мнение. Наиболее важный итог их действий, направленных на завершение модернизации английского масонства, это конституирование Великой ложи. Её провозглашение состоялось 24 июня 1717 г. на территории собора св. Павла в центре Лондона⁴. После появления этого организационного центра собрания сторонников нового светского божества – Великого Архитектора Вселенной – получили уникальную возможность для максимально быстрого и массового распространения не только в Англии, но и по всей континентальной Европе.

Успехи эзотерического масонского Братства привлекли внимание консерваторов-охранителей, которые изначально восприняли его участников

в качестве опасных заговорщиков, выступавших против институтов Государства и Церкви. В авангарде первых антимасонских компаний оказался Ватикан – гарант незыблемости и прочности католического мира. Именно здесь в Риме усилиями папы Климента XII 4 мая 1738 г. была составлена и распространена первая святейшая энциклика, направленная на скорейшее запрещение деятельности лож «вольных каменщиков»⁵. Отметим в этой связи, что прозвучавший призыв был обращен не только к церковным иерархам, но и к светским властям. Более того, требования папской курии немедленно подавить и уничтожить «масонскую ересь», объявить ложи вне закона следовало исполнить не просто неукоснительно, но и повсеместно. Однако большинство европейских католических монархов не подчинилось столь жесткому вердикту. В саботаже постановлений Рима оказались, например, замешены власти католической Франции⁶. Столь вопиющая несогласованность антимасонских действий, безусловно, нуждается в комментариях и осмыслении.

В контексте перемен, переживаемых буржуазной Европой, позиция католического Рима по отношению к «масонской угрозе» была абсолютно оправданной и глубоко мотивированной. Масонство, причудливо сочетающее в своей идеологии эзотерические, религиозные и естественно-научные представления, выступало, прежде всего, в качестве ниспровергателя традиционного, устоявшегося концепта христианской веры. По этой причине в хронологических рамках века Просвещения оно представляло непосредственную угрозу авторитету и учению Католической церкви. Даже призывы масонских «Конституций» Джеймса Андерсона⁷, нацеленные на поддержание веры и осуждение атеистов, не могли сокрыть главного в его деятельности и общении с человеком. В этом направлении приоритетным для масонства являлось самостоятельное, внецерковное познание тайны Бытия и особое, светское по сути, нравственное просвещение человека («духовное строительство»). По мнению идеологов масонского Братства, только люди, приобщенные к «мудрости веков» (посвященные, но вовсе не церковные иерархи), могут в полной мере развить в себе высокие нравственные качества и «строить Храм» будущего человечества. При этом индивиду следовало руководствоваться не столько религиозным сознанием, сколько эмпирическим опытом и мистическим вдохновением, приобретаемым в процессе изучения древних символов, аллегорий и практики «братских», то есть из системы внецерковных отношений. К разочарованию Римской курии её призывы и предостережения так и не были услышаны действующими властями. На наш взгляд, главной причиной наблюдаемой обструкции по отношению к позиции Церкви по «масонскому вопросу» явилась приверженность части правящей элиты ведущих европейских стран активно распро-

страняемым идеалам Просвещения, в частности концепту просвещенной монархии. Напомним, что деятельными сторонниками контролируемой либерализации властных структур и всей системы общественно-политических отношений во второй половине XVIII столетия были такие монархи, как Фридрих II Прусский, Иосиф II Австрийский, Екатерина II Великая, Густав III Шведский и многие другие европейские властители, искренне мечтавшие о торжестве принципов правления «короля-гражданина». Находясь под влиянием столь привлекательных и, как представлялось многим, передовых теорий, они причислили структуры «нового» масонства к разряду своих идейных союзников и даже поддержали его своим личным участием. Не менее весомым аргументом являлось и то обстоятельство, что масонские ложи являлись модным и успешным идейным «продуктом» такого передового европейского государства, каким в Европе выступала буржуазная Англия. Не случайно именно на ее территории состоялось первое практическое использование масонской организации в качестве этатистского, легального и официально признанного властью общественно-политического института. Таким образом, явные признаки тайного общества, усматриваемые за деятельностью масонства его наиболее консервативными исследователями и критиками, никого из государственных мужей Европы не пугали. С точки зрения соблюдения государственных интересов и безопасности «новые» масонские организации, подконтрольные властям, действовали вполне легально, поскольку служили национальным интересам, особенно с расчетом на перспективу. История становления нового масонства в Англии является яркой и убедительной тому иллюстрацией.

Как уже было отмечено выше, королевство Великобритания стало родиной грандиозного «масонского проекта». Начало его реализации было сопряжено с решением проблемы унификации регулярных масонских структур, а также с обеспечением их лояльности по отношению к правящей династии Ганноверов. Для достижения искомого результата потребовалось утверждение в руководстве Великой ложи лояльных людей. Для этого, в частности, следовало сместить с поста Великого мастера герцога Филиппа Уортона (1698–1731), который оказался креатурой оппозиционной, якобитской ветви движения «вольных каменщиков». По сведениям исторического очерка книги «Конституций» Джона Интейка, 24 июня 1722 г. мятежный герцог был утверждён в должности Великого мастера⁸. Короткое время спустя, 17 января 1723 г., он был провозглашен Великим мастером всех английских масонов («старых» и «новых»). Однако 25 апреля 1723 г. герцога-якобита удалось сместить с занимаемого поста. Новым Великим мастером стал сторонник масон-реформаторов Фрэнсис Скотт, граф Дэлкейт⁹. В одержанной победе большую роль сыграла книга

«Конституций» Джеймса Андерсона (1679–1739), активного сторонника и пропагандиста обновленного масонства. После утверждения её положений руководство Великой ложи Лондона осуществило перерегистрацию действующих регулярных лож, объявив о непризнании тех масонских структур, которые не проводили регулярных собраний. Окончательная унификация в среде «новых» масонов Англии была достигнута в 1728 г. Этому способствовало обязательное признание структурами обновленного масонства положений (идейных и регламентных) книги «Конституций» Джеймса Андерсона. По итогам проделанной работы Великая ложа Лондона в 1729 г. была преобразована в Великую ложу Англии (Grand Lodge of England). В апреле 1736 г. в регулярных масонских ложах Англии был установлен единый порядок делопроизводства, который предусматривал обязательное протоколирование каждого рабочего заседания. По итогам унификации, осуществленной Великой ложей Англии, деятельность масонских регулярных структур была взята под её жёсткий контроль.

Показательно, что в процессы формирования обновленного масонского движения были включены также территории Ирландии и Шотландии. Вне пространства Лондона первая из «новых» Великих лож была провозглашена в 1725 г. в ирландском Дублине. Великим мастером регулярных масонов здесь был избран Ричард Парсонс, граф Росс. Десятилетие спустя состоялось рождение Великой ложи Шотландии. Её первым Великим мастером в 1736 г. стал Уильям Синклер, барон Росслин, потомок семейства Сен-Клеров (Синклеров), которое традиционно патронировало местных ремесленников-строителей. Обе структуры установили прочные рабочие контакты с Великой ложей, расположенной в Лондоне, что свидетельствовало о руководящей роли последней в общенациональной масонской иерархии.

Последующий этап развития масонского движения на территории Великобритании был связан с достижением организационного и обрядового единства. Последним препятствием на этом пути было существование «старых» структур «вольных каменщиков». Вначале их интересы представляла Ложа Йорка (Lodge of York). В декабре 1725 г. она провозгласила себя Великой ложей всей Англии (Grand Lodge of all England). В 1752 г. открыл работу Верховный Орден св. Королевской Арки (Supreme Order of the Holy Royal Arch). Он объявил о своем исключительном праве присваивать высокие степени посвящения в соответствии с древними традициями оперативного братства «вольных каменщиков»¹⁰. Несмотря на свою автономию, и эта масонская структура сохраняла лояльность к существующей власти, хотя и возглавлялась ирландцем Лоуренсом Дермоттом (1720–1791). Важно отметить, что в среде масонов-обновленцев и братьев «старого» уклада нити управления быстро перешли к представителям правящих кругов. Первым представителем королевского семейства

в рядах «нового» масонства стал Фредерик Людвиг, принц Уэльский¹¹, принятый в ложу в ноябре 1737 г. Вовлечение в масонство претендента на престол привело к повышенному интересу к ложам и самому движению, набравшему популярность. Как итог, в структуры, подконтрольные как Великой ложе Англии, так и Великой ложе Древних масонов Англии, стали активно вступать представители столичного высшего света: аристократы, военные, чиновники. Немаловажно отметить, что масоны пользовались покровительством не только правящей династии, но и протестантской Англиканской церкви, которую традиционно возглавляли британские монархи. В сложившейся ситуации представители монаршего дома – короли и наследные принцы – видели в масонах лояльных подданных и опору собственных имперских амбиций. По этой причине в Великобритании масонские ложи не подвергались гонениям. Никогда и никто из членов масонского Братства не был здесь наказан за участие в работе якобы тайной, противоправной организации. Такая политика властей потребовала ответных действий, в частности, она обозначила неизбежность объединения масонских структур страны. В не меньшей степени своей невольной рекламой она способствовала увлечению масонством при дворах большинства просвещенных правителей заграничной, континентальной Европы.

Итоговые события консолидации масонского движения Великобритании состоялись в начале XIX столетия и совпали с рождением нового, имперского государства – Соединенного Королевства (1800). Заметную роль на этой стадии эволюции, несомненно, сыграло утвердившееся в английском масонстве главенство просветительской, а позже – либеральной идеологии. Тяготение к мистицизму, преобладавшее в среде «старого» масонства, существенно сужало возможности его влияния в обществе. Длительный процесс примирения и сближения масонских организаций Великобритании завершился 25 ноября 1813 г. В этот день в Лондоне был подписан «Акт Союза», который юридически оформил объединение «старых» и «новых» масонов Соединенного Королевства. Вслед за этим 27 декабря 1813 г. в Freemasons Hall – с 1775 г. главный масонский храм Лондона – состоялось провозглашение Объединенной Великой ложи Древних Франкмасонов Англии (United Grand Lodge of Ancient Freemasons of England). По предложению принца Эдуарда, герцога Кентского, представлявшего интересы «старых» масонов, младший сын короля Георга III, Август Фредерик, герцог Суссекский, был избран первым Великим мастером новой Объединенной Великой ложи. К ней, сохранив свою прежнюю автономию, верноподданнически примкнули Великие ложи Ирландии и Шотландии. Процесс масонской консолидации в Соединенном Королевстве завершился утверждением единого обрядового культа – Йоркского ритуала.

Преобразования, связанные с унификацией масонских структур на территории Великобритании, придали движению дополнительную устойчивость и влияние. Провозглашение Объединенной Великой ложи Англии по сути превратило национальные ложи «вольных каменщиков» в специфический, экспериментальный государственный институт. Важно подчеркнуть, состоявшиеся в нем организационные метаморфозы были инициированы людьми, также приближенными к власти (К. Рен и Д. Т. Дезагюлье – члены Королевского общества), и, следовательно, оказались полностью подконтрольными правящей династии Ганноверов.

Разумеется, опыт Великобритании по использованию масонского интеллектуального потенциала в вопросах модернизации государственного строительства не мог остаться незамеченным. Тем более что территория этого государства стала плацдармом для организации целенаправленного внешнего распространения масонской идеологии и практики. Масонские «Конституции», переизданные в 1756 г. Джоном Интейком, содержат на своих страницах упоминания регистрационных номеров нескольких сотен лож, в том числе зарубежных, открытие которых было санкционировано Великой ложей Англии. Результаты столь мощной идейной экспансии не заставили себя ждать. Имплантация масонских структур как неофициальных совещательных интеллектуальных собраний с участием первых лиц государства в систему внутреннего управления наблюдалась в Швеции, Пруссии и даже в России¹². В этих странах появились собственные Великие Национальные ложи, элитный состав которых позволяет констатировать наличие возможности их реального влияния на содержание принимаемых государственных решений. Тем самым не будет преувеличением констатация возможности существования практики неофициального и скрытого сотрудничества масонских структур со структурами государственными. Был ли этот процесс результатом спланированного масонского заговора? Для многих исследователей, даже современных, положительный ответ на такой вопрос очевиден¹³. Впрочем, на наш взгляд, возможен вывод иного порядка. Как свидетельствует опыт Великобритании, современное масонство – это продукт «двойного происхождения». То есть результат совместных усилий интеллектуалов-просветителей и самого государства, с очевидностью стремящихся к стабильности в условиях назревшего общественного переустройства. Исходя из такой оценки, система отношений между масонскими структурами и комплексом государственных институтов приобретает совершенно другое видение. Во всяком случае, непредвзятый, объективный анализ не исключает возможности достаточно тесного сотрудничества этих двух, казалось бы, полярных сил. Любопытно, но ситуация, наблюдаемая в наши дни, подтверждает сделанный вывод. Во

всяком случае, в начале XXI столетия, в ареале Западной цивилизации, наблюдается тщательно отрегулированная наднациональная система сотрудничества масонства и государственных институтов, участником которой является даже Ватикан. В качестве весомого аргумента, подтверждающего такой вывод, могут быть представлены усилия «вольных каменщиков» Североамериканских колоний Англии, а также имперского масонства Наполеона Бонапарта.

Координирующая и направляющая роль американского масонства в сфере политики, которая проявилась уже на стадии Войны за независимость, отмечена многими специалистами¹⁴. В частности, они указывают на принадлежность к ложам большинства североамериканского истеблишмента, включая «отцов нации» и первого президента Джорджа Вашингтона. Влияние масонства только усилилось на стадии формирования институтов послереволюционного демократического государства. Важнейшие константы ортодоксальной масонской идеологии присутствовали уже в Декларации независимости (1776). Отметим, что этот исторический текст подготовили такие знаменитости, как Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Роберт Шерман, Роберт Ливингстон и Томас Джефферсон – единственный непосвященный в группе масонских авторов. Немаловажно, что Франклин и Ливингстон занимали посты Великих мастеров в структурах «вольных каменщиков» своих штатов¹⁵. Итоговую, визирующую подпись под Декларацией поставил Джон Хэнкок, также масон и президент Континентального Конгресса¹⁶.

Присутствие масонско-просветительской идеологии и влияния не менее очевидно в статьях Конституции США, утвержденных Конституционным Конвентом в Филадельфии (1787). В тексте этого документа были, в частности, закреплены правила участия граждан США в избирательных компаниях. Как и в масонской ложе, они закрепили практику свободного, то есть внесословного и внеконфессионального избрания во властные структуры. При этом было оговорено, что возраст избираемого кандидата не мог быть менее 25 лет¹⁷. Это положение полностью соответствовало практике приема в ложу «вольных каменщиков».

С учетом масонских традиций была сформирована судебно-правовая система США. До обретения независимости местная Фемида действовала в рамках юридических регламентов метрополии, которые являлись наиболее передовыми. Однако в итоговых решениях американских законодателей можно проследить и другие источники влияния. В частности, из багажа французского философа и масона Шарля-Луи Монтескье был явно позаимствован и внедрен в практику принцип разделения властей.

Даже краткий анализ воззрений, взятых на вооружение масонами Североамериканских ко-

лений, позволяет сделать вывод об их решающем влиянии на формирование главных лозунгов американской революции, а также на формирование базовых принципов в деле строительства нового демократического государства. Столь тесная идейная и практическая консолидация разрушает стереотипы обвинений «вольных каменщиков» в организации разрушительных политических заговоров. Масонство, включая американское, не может быть представлено в качестве сектантского, изолированного от внешнего мира и оторванного от реалий общественной жизни движения. Напротив, можно утверждать, что оно изначально заявило о себе в качестве важнейшего социального института, активно способствующего генерации и распространению передовых морально-этических ценностей, составляющих основу ментальности современного демократического общества. Важно подчеркнуть, что традиция масштабного «взаимопроникновения» масонства и американского государства активно поддерживалась на протяжении всей его истории. Неудивительно, что структуры «вольных каменщиков» США всегда оставались наиболее разветвленными и многочисленными¹⁸.

Попытка использовать американский «масонский эксперимент» в политике и вопросах государственного строительства была предпринята во Франции. Во всяком случае, события грандиозного революционного переворота конца XVIII столетия такие его свидетели, как Огюстен Баррюэль¹⁹ и Джон Робинсон²⁰, прямо связывали с последствиями заговорщической деятельности «вольных каменщиков».

Нет сомнений, что масонское движение предреволюционной Франции, берущее своё начало в начальные десятилетия века Просвещения, как и английское, вдохновлялось и направлялось просветительской философией. Итог бурных дискуссий, ведущихся внутри масонских структур: сформированное ими общественное мнение, враждебное по отношению к династии, официальной идеологии и церкви. Столь радикальная идейно-политическая ориентация Братства во многом способствовала разрушению института абсолютистской монархии и приближала падение «старого порядка» во Франции. Однако, признавая дестабилизирующее влияние французских «вольных каменщиков» предреволюционной эпохи, все-таки было бы несправедливо говорить об их решающей роли в состоявшихся политических событиях. Точно так же, как их американские собратья, французские масоны вполне осознанно участвовали в подготовке политического переворота, однако не в качестве конспираторов-заговорщиков, а как легальные оппозиционеры.

В последней четверти XVIII столетия наиболее влиятельной масонской структурой Франции являлся Великий Восток, в руководстве которого преобладали представители правящей династии и близкие ко двору аристократы, осознавшие неизбежность перемен. Наиболее заметную роль в

масонском движении предреволюционной Франции играли столичные собрания, ставшие местом сосредоточения интеллектуалов-оппозиционеров. На их заседаниях обсуждались наиболее злободневные темы, имеющие отношение к политике, религии и другим сторонам общественной жизни. Особой активностью отличались такие масонские центры Парижа, как ложа «Девяти сестер» и «Олимпийское общество»²¹. Они активно формировали новое мировоззрение, нацелившее французов, и прежде всего «третье сословие», на осуществление мирных, но решительных перемен в государстве. По мнению масонов-идеологов, роль которых во Франции, как и в других странах, исполняли философы-просветители, реформы должны были состояться под лозунгом соблюдения «естественных прав» человека. Поскольку такие преобразования отражали чаяния большинства суверенной нации, их вдохновители надеялись на исключительно благоприятное развитие событий, в том числе и на сотрудничество короля, в котором они впервые увидели и признали монарха-гражданина. Подобная деятельность, несмотря на свой дестабилизирующий характер, не может быть признана исключительно тайной и заговорщической. Напротив, она носила открытый для властей характер, хотя, по понятным причинам, не была ими официально санкционирована. Таким образом, противостоящие накануне революции стороны – реформистская и консервативная – действовали вполне открыто. Подчеркнем, в подобной ситуации инициативы и действия «видимой» оппозиции трудно позиционировать в качестве сугубо политических, поскольку участники масонских собраний, руководствуясь этическими соображениями, обычно лишь констатировали свои расхождения с принципами, которыми руководствовалась правящая элита. Во всяком случае, усилия масонского Братства никогда не выходили за рамки действующих законов и обычно сопровождалась вполне предсказуемыми инициативами, наподобие составления знаменитых наказов депутатам последних Генеральных штатов. Тем самым распространение масонского движения во Франции явилось не причиной, а следствием тех кризисных процессов, которыми уже была захвачена вся страна. Накануне 1789 г. в национальных ложах насчитывалось порядка сотен тысяч человек, из которых не менее четверти было сосредоточено в столичном Париже²².

Итак, отходя от конспирологических теорий, непосредственное начало Великой революции следует связывать с неспособностью правящей элиты откликнуться на призыв легальной оппозиции к диалогу о судьбах страны. Только самоизоляция власти, которая во все времена является главным механизмом, ведущим к ее падению, привела во Франции к спонтанному и массовому взрыву. В дальнейшем политические события развивались во многом бессистемно, что также доказывает отсутствие заранее спланированного заговора.

Слабоуправляемый поток революционного хаоса потребовал практических действий новых, прагматически настроенных вождей. В условиях революционной стихии и беспринципной борьбы за власть Мирабо, Дантон, Марат и Робеспьер быстро и навсегда расстались с такими условными категориями, как истина, справедливость, добродетель, равенство, «естественные права», «общественный договор». Их главной задачей являлось скорейшее, во многом инстинктивное определение тех политических путей, которые помогли бы им элементарно выжить и сохранить обретенную власть. Во многом под влиянием чрезвычайных обстоятельств и страха за свое будущее ими были созданы основы нового республиканского государства, в чрезвычайных декретах которого с трудом просматривались идиллические картины обещанного просветителями «царства Разума».

В изменившейся ситуации действия масонских структур являли собой образец пассивной наивности. Они по-прежнему оставались разобщенными и не сумели выработать приемлемой программы действий. Как свидетельствуют факты, лидеры масонских центров (Великий Восток, Великая ложа Франции, Исправленный Шотландский Обряд) не усилились, а были существенно ослаблены. Более того, в ходе революции они утратили реальный контроль над собственными ложами²³. Наиболее серьезный кризис наблюдался в структурах могущественного Великого Востока Франции. Его глава, герцог Орлеанский, в феврале 1793 г. публично объявил о своей отставке²⁴. Таким образом, не сила и сплоченность, а слабость и уныние охватили масонские организации страны. Это привело к тому, что политическая сфера быстро и окончательно вышла из сферы интересов лидеров национального масонского движения. Подлинными же вождями Французской революции – О. Г. де Мирабо и М. де Робеспьер – никогда не были масонами. Что же касается деятельности таких «вольных каменщиков», как Лафайет, Бриссо, Дантон и Марат, то принадлежность этих людей к дореволюционным масонским ломам лишь оттеняет разобщенность Братства, нежели подтверждает его тайные намерения и возможности в политике. К 1794 г. работа в столичных и провинциальных ложах замерла и оказалась фактически под запретом²⁵.

В целом развитие революционных событий свидетельствует об отсутствии во Франции какого бы то ни было, тем более заранее созданного, подрывного центра. «Взрыв» 14 июля 1789 г. носил стихийный характер, хотя, безусловно, и был подготовлен в умах французов. Однако содержание новых революционных идей, которые в своей эволюции подпадали под влияние конкретных политических, социальных и экономических факторов, раскрылось только в ходе многоэтапного и столь же непредсказуемого последующего политического процесса²⁶.

Период гонений и не востребоваемости масонских структур продлился во Франции недолго.

17 июня 1796 г. на пост Почетного гроссмейстера Великого Востока был избран видный масон-реформатор А. Реттье де Монтало (1748–1808). Следуя этому примеру, восстановила свои структуры Великая ложа Франции. Достаточно быстро между влиятельными масонскими союзами было обретоно взаимопонимание, а 22 июня 1799 г. стороны подписали протокол о союзе²⁷. В декабре 1801 г. аналогичный договор был подписан между Великим Востоком и Провинциальной ложей Арраса. Постепенно Великий Восток Франции вновь приобрел респектабельный статус самого влиятельного масонского объединения страны. Правда, полной консолидации удалось добиться не сразу. В оппозиции, в частности, долго находились структуры Верховного Совета Франции, новой масонской системы, созданной в начале 1804 г. по примеру американских братьев, графом Александром Франсуа де Грасс-Тилли. Данное масонское объединение использовало в своей практике Древний и Принятый Шотландский Обряд с тридцатью тремя степенями посвящения. Противостояние удалось преодолеть 5 декабря 1804 г., когда между Великим Востоком и Верховным Советом был подписан союзный договор. Важно подчеркнуть, что незадолго до этого 27 ноября 1804 г. руководство Великим Востоком перешло в руки Жозефа Бонапарта и его заместителей – Луи Бонапарта и Жан Жака Камбасереса. Их деятельность, явно нацеленная на максимальную быструю унификацию структур национального масонства, свидетельствовала о том, что за спинами новых лидеров «вольных каменщиков» находился Наполеон Бонапарт, только что ставший императором Франции. Небезынтересно, что большое внимание масонам традиционно уделяла также императрица Жозефина, покровительствующая женским ломам.

Был ли новоиспеченный монарх Франции масоном? Однозначного ответа на этот вопрос не существует. В современной историографии бытует несколько версий развития его взаимоотношений с «вольными каменщиками». Наиболее популярными среди них являются «корсиканская» и «египетская». В обоснование первой авторы ссылаются на контакты молодого артиллерийского офицера с корсиканским сепаратистом и масоном Паскуале Паоли (1725–1796). Они познакомились и активно сотрудничали в 1790–1791 гг. на Корсике, когда остров пытался обрести возможности суверенного развития. Много позднее в 1816 г. было обнаружено письмо свергнутого императора, текст которого подтверждал его присоединение к корсиканским масонам, а также получение первых трех степеней посвящения. Однако режим Реставрации, также поддерживающий масонство, постарался уничтожить этот компрометирующий власти документ²⁸. Более вероятным, хотя также не подтвержденным документально, представляется вступление генерала в одну из лож Великого

Востока Франции либо накануне, либо в период Египетской кампании 1798–1799 гг. Наконец, факт присоединения Бонапарта к масонскому Ордену неоднократно признавали сами «вольные каменщики». Аббат Грегуар, член руководства Великого Востока Франции, свидетельствовал, что инициация Наполеона Бонапарта состоялась 6 июня 1805 г.²⁹ Один из крупнейших специалистов по масонству эпохи Наполеона Бонапарта, французский историк Франсуа Коллавери, собрал наиболее полный пакет документов, в которых император был упомянут в качестве масона. Среди них записки аббата А. Бермон д'Одуза из Вены, который называл Наполеона «шотландским масоном»; письмо французского генерала Фаверо Великому Востоку от 7 апреля 1809 г., в котором он именуется императора масонским притвствием «дорогой брат»³⁰.

Отсутствие бесспорных документальных подтверждений инициации Бонапарта заставляет историков обращаться к косвенным свидетельствам его масонских пристрастий. К таковым могут быть причислены увлечения великого человека оккультизмом, египтологией, теофилиантропией, а также его контакты с «масонской общественностью», в числе которой ближайшие родственники (отец, братья) и ближайшие соратники. Не менее важным свидетельством приверженности новоявленного монарха масонским традициям стали разработанные с его участием образцы французской имперской геральдики. В частности, наиболее известным символом наполеоновской эпохи, имеющим несомненное отношение к эзотеризму, столь близкому масонству, является изображение пчелы. Во времена Империи этот необычный для европейской геральдики знак стал личной эмблемой Наполеона. Такой выбор не случаен: он полностью соответствовал сформировавшемуся в воображении императора восточному символическому Пантеону. Еще древние египтяне полагали, что эти трудолюбивые создания рождаются из слез бога Ра, сыном которого Наполеон был провозглашен в 1798 г., когда находился в завоеванном Египте. Изображение пчелы и пчелиного улья соответствовало традициям и масонского Ордена. По мнению «вольных каменщиков», пчелы символизировали трудолюбие и единство Братства, являясь, таким образом, его графическим архетипом. Ещё более убедительно пересечение интересов имперских структур и масонства зафиксировал институт ордена Почетного легиона. Созданный Наполеоном для признания национальных военных и гражданских заслуг, он содержал в себе немало масонских компонентов. Так, Орден подчинялся императору и являлся клубом избранных, полностью соответствуя масонским принципам элитизма. Сама орденская структура состояла из 15 когорт по 250 человек в каждой. Все ее члены, поделенные на степени, приносили специальную присягу на верность идеалам республики, свободы и равенства. Аналогичным

образом было устроено Общество Цинцинната в США, лидером которого был провозглашен масон Джордж Вашингтон, а участниками стали многие французские волонтеры-масоны.

Перечень заимствований из масонской обрядовой культуры, используемый в государственных интересах при Наполеоне, можно легко продолжить и расширить. Все это подтверждает безусловную дружбу и наличие постоянных контактов между императором Франции и его подданными-масонами. При этом «масонские следы» обнаруживаются в самых неожиданных сферах. Например, присутствие масонских традиций прослеживается в структурах народного образования имперской Франции. Известно, что она возглавлялась ведомством под названием «Университет», руководитель которого занимал должность Великого мастера (Grand-Maître de l'Université). Таким образом, термин, обозначающий масонского иерарха, стал использоваться в той системе, которая всегда являлась особо приоритетной для движения «вольных каменщиков». Как известно, идея обучения, воспитания и образования человека, позволяющая осуществить восхождение к вершинам духовного совершенства, продолжает доминировать в работе каждой масонской ложи.

Бросающееся в глаза отсутствие прямых свидетельств, подтверждающих масонскую инициацию Наполеона, позволяет предположить существование важных на то государственных мотивов. Скорее всего, Наполеон, оказавшись на вершине власти, постарался скрыть свою близость к Братству, приобретшему имперский характер. В этой ситуации для самого Наполеона Бонапарта непосредственное участие в масонской работе стало необязательным и обременительным. С точки зрения реальной государственной политики излишне тесные контакты с подданными-масонами превращались для него в досадное препятствие на пути формирования культуры собственной персоны. ореол величия, возвышение над толпой подданных, присягнувших на верность своему императору, блеск и этикет придворной жизни – все атрибуты власти неумолимо изживали и вытесняли традиции старого, товарищеского Братства.

После провозглашения Империи действия Наполеона были нацелены на обеспечение успеха объединительной масонской реформы. Она, в свою очередь, была призвана содействовать адаптации лож в рамках новой государственной системы. Подобная стратегия позволяла Наполеону сохранить позиции верховного арбитра нации, а заодно закулисного лидера нового, имперского масонства. Точно так же Бонапарту не было нужды становиться маршалом Франции, чтобы продемонстрировать всему миру свой военный гений. Он оставался генералом, и его знаменитый серый сюртук значил для окружающих значительно больше, нежели сверкающие мундиры маршалов Великой армии. И в самом деле, руководствуясь соображениями государственной целесообразности

ности, царственный «вольный каменщик» мог сознательно отойти от непосредственного участия в масонском движении. Что касается документов, относящихся к его предшествующей инициации, то они могли попросту «исчезнуть» благодаря усилиям министров полиции (масонов Жозефа Фуше и Рене Савари), всегда готовых выполнить любую команду с царственного Олимпа.

Так или иначе, избранная Наполеоном линия поведения в отношении прирученного масонского Братства принесла свои плоды. Не встречая серьезных препятствий со стороны властей, французские масонские ложи продолжали укреплять позиции. Накануне падения Империи в 1814 г. структуры Великого Востока объединяли уже 1219 лож³¹. Сам император, по-видимому, никогда не сожалел о покровительстве, оказанном масонскому Ордену. «Вольные каменщики» не только Франции, но и всей покоренной Европы преданно служили своему патрону, усердно содействуя его славе. Не случайно день подписания Люневильского мирного договора с Австрией (9 февраля 1801 г.) был провозглашен масонскими ложами Франции праздником мира, а сам победитель, Наполеон Бонапарт, – миротворцем.

С подачи своего патрона самое активное участие в масонском движении начала XIX столетия принимали французские военные. Среди маршалов Наполеона обладателями высших степеней братства были Андре Массена, Иоахим Мюрат, Этьен Макдональд, Франсуа Келлерман, Шарль Ожеро, Мишель Дюрок и Франсуа Лефевр. Их имена значились в протоколах Великого Востока Франции, который, наряду с бдительным царедворцем Камбасересом, продолжали возглавлять Жозеф и Луи Бонапарты³². Впрочем, в списках масонских лож Империи значились и высшие гражданские сановники. Так, «вольными каменщиками» являлись министр иностранных дел Ш. М. Талейран, министры полиции Ж. Фуше и Р. Савари, посол в Петербурге Ж. А. Лористон. Даже этот список убедительно свидетельствует, что поставленное «на поток» приобщение правящей элиты Империи к ложам было явно выгодно Наполеону. Унифицированное Братство, как нельзя лучше, содействовало «сплочению рядов» правящей элиты. К тому же завсегдагаи лож были «на виду» у полиции, а первое лицо, получившее подробные пресс-релизы, оказывалось в курсе малейших нюансов в настроениях своего ближайшего окружения. Столь прагматичное отношение императора к масонству, несомненно, способствовало рождению откровенно критических его характеристик. В одной из частных бесед на острове Святой Елены великий узник характеризовал «вольных каменщиков» в качестве «кучки слабоумных фантазеров», занятых, по его мнению, далекими от реальной жизни делами. Стремясь несколько смягчить столь резкие оценки, император все-таки заметил, что французские масоны оказали большую помощь революции и

содействовали уменьшению влияния Католической церкви³³.

Знакомство с эпизодами практической деятельности регулярных масонских лож Великобритании, США и Франции в хронологии XVIII – начала XIX столетия позволяет сделать важные выводы. Становление, распространение и активность обновленного масонства в эпоху Нового времени не следует воспринимать в качестве примера мировоззренческого упадка, который выразился в ностальгической жажде реставрации древнейших оккультных и эзотерических практик. Напротив, деятельность регулярных масонских лож, начавшаяся на территории буржуазной Великобритании, прежде всего, должна быть представлена инновационным идейным проектом. Усилия Братства, без преувеличения, являлись одним из наиболее эффективных способов мобилизации национального интеллектуального потенциала в условиях углубления перманентного кризиса старого, доиндустриального общества. Отметим при этом, что поиски новой парадигмы развития, столь важной для «старой» Европы, не могли не обеспечить первенство буржуазной Великобритании. Представители её либеральной интеллектуальной элиты первыми провозгласили приоритет просветительской светской идеологии, массовым ретранслятором которой были призваны стать новые созерцательные масонские ложи. Заявленная стратегия этих структур полностью соответствовала запросам прогрессивной части правящей элиты многих европейских стран. По этой причине деятельность масонских лож никогда не противоречила государственным интересам и не создавала угрозы институтам власти. Конспирологические традиции в ритуальной практике «вольных каменщиков» всегда носили формальный характер и не нарушали существующего законодательства. Провозглашенная масонскими структурами лояльность в отношении власти и религии не смогла смягчить их противостояния с Ватиканом, который поначалу причислил идеологию «вольных каменщиков» к разряду прямой угрозы христианскому миру. Однако временный конфликт идеологий не помешал дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества масонства и светской власти. По итогам последующей эволюции уже к началу XIX столетия регулярные масонские структуры ведущих стран Запада – Великобритании, Франции, США – приобрели статус влиятельных и полностью легальных общественных институтов.

Примечания

¹ См.: The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges, by James Anderson. L. : Caescn Ward and Richard Chandler, 1738. P. 97–139.

- ² См.: *Stevenson D.* The Origins of Freemasonry : Scotland's Century. 1590–1710. Cambridge : Cambridge univ. Press, 1988. 218 p.
- ³ См.: *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone : Lewis Masonic Books, 1994. P. 43–44.
- ⁴ См.: *Calvert A. F.* The Grand Lodge of England. L. : Herbert Jenkins Limited, 1917. P. 12–13.
- ⁵ *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. : Office du Livre, 1987. P. 57.
- ⁶ Ibid. P. 59.
- ⁷ См.: The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. L. : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. 91 p.
- ⁸ См.: The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digested By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L. : Black Swan, 1756. P. 194–195.
- ⁹ Ibid. P. 196.
- ¹⁰ *Уайт А. Э.* Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств : их ритуалов, литературы и истории / пер. с англ. СПб : Лань, 2003. С. 179.
- ¹¹ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 40.
- ¹² См.: *Киясов С. Е.* Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2010. 398 с.
- ¹³ См.: *Платонов О. А.* Криминальная история масонства 1731–2004 гг. М. : Эксмо, Алгоритм, 2005. 544 с.
- ¹⁴ См.: *Bullock S. C.* Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. Chapel Hill ; L. : University of North Carolina Press, 1996.
- ¹⁵ См.: *Morse S.* Freemasonry in the American Revolution. Washington : The masonic service association of the United States, 1924. P. 72.
- ¹⁶ См.: *Roberts A. E.* Freemasonry in American History. Richmond : Macoy Publishing & Masonic Supply Co., Inc., 1985. P. 139.
- ¹⁷ См.: Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательные акты / пер. с англ. М. : Прогресс, 1993. С. 29.
- ¹⁸ См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. : Editions de Vecchi, 1993. P. 59–62.
- ¹⁹ См.: *Barruel A.* Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. Т. 1–4. L. : Kenning, 1797–1798.
- ²⁰ См.: *Robinson J.* Proofs of a conspiracy. Edinburgh : W. Cresch, 1798. 587 p.
- ²¹ См.: *Киясов С. Е.* Масонство в эпоху Просвещения. С. 270–272.
- ²² См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 25.
- ²³ См.: *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Т. 1–3. P. : Fayard, 1974–1975 ; Т. 1. P. 341–360.
- ²⁴ Ibid. Т. 1. P. 337–338.
- ²⁵ Ibidem.
- ²⁶ См.: *Киясов С. Е.* Масонство в эпоху Просвещения. С. 335–336.
- ²⁷ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 97.
- ²⁸ См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 26.
- ²⁹ Ibid. P. 27
- ³⁰ См.: *Collaveri F.* La Franc-maçonnerie des Bonaparte. P. : Payot, 1982. P. 161–190.
- ³¹ См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. P. 97.
- ³² См.: *Mary R. L.* La Franc-Maçonnerie dans le monde. P. 27–28.
- ³³ См.: *Chevallier P.* Histoire de la Franc-Maçonnerie française. Т. 2. P. 17.

Образец для цитирования:

Киясов С. Е. Власть и масонство в эпоху нового времени: противостояние или союз? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 43–51. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-43-51>

Cite this article as:

Kiyasov S. E. The Authority and Masonry in the Modern History: Confrontation or Union? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 43–51 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-1-43-51>